

РУССКИЕ КАК ИМПЕРСКИЙ НАРОД¹

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Центральной темой данной статьи является проблема переосмысления имперского сознания россиян. Автор выделяет ряд черт имперского сознания и подробно рассматривает процесс имперского строительства, формирования и эволюции имперского сознания.*

Ключевые слова: *имперский народ, имперское сознание, имперское строительство.*

Может быть наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней есть мысль об империи и о том, что они — имперский народ. Мы всегда знали, что живём в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была одной из самых ценных в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир.

С крушением СССР империя исчезла. И ни власть, ни общество, похоже, не знают — чем жить дальше. Ответа нет, а число ошибок, неизбежных при отсутствии цели и смысла существования, множится день ото дня.

Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру. Но адекватно ли наше имперское сознание сегодняшним реалиям? Хотим ли мы воссоздания империи из руин и способны ли к этому? А если не хотим, то, может, стоит задуматься, чего хотим?

* * *

Определений империи, как и реально существовавших государств такого типа, множество. Были Римская и Византийская империи, Османская, Британская, Китайская, Австро-Венгерская, Германская империя времён Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх, были Российская империя и Советский Союз². Все имели особенности, охватить которые единым определением нельзя. По этой причине я попытаюсь дать определение

¹ Статья выполнена по гранту РГНФ 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX — начала XXI века. Социально-философский анализ».

только нашей империи — от примерного времени ее возникновения в середине XVI столетия и до момента крушения СССР.

Российская империя и СССР должны быть рассмотрены как особый тип государства, способ хозяйственной и общественной жизни, особое сознание подданных. Для них характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, а в чем-то уникальные. В числе их наиболее характерных черт были:

- максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов как один из важнейших принципов государственной политики. Цель присоединения народов вторична по сравнению с целью присоединения территорий. Отсюда — отношение к присоединяемым как к сопутствующему материалу;

- построение закрытой для внешнего мира самодостаточной экономической и общественной жизни (концепция единственной на свете «святой Руси», «железного занавеса»). Уверенность, что все, находящееся за пределами России, чуждо и враждебно ей;

- наличие в национальном самосознании представления о наличии у страны особой миссии. «Сверх-идеям» православия, «Третьего Рима», пролетарского интернационализма, «СССР — оплот мирового коммунизма» приписывалась неколебимая истинность и божественный характер. Возможность появления истинных и божественных идей у других народов исключалась;

- обязательность сакральной фигуры императора-вождя (самодержца — наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря), наделённого всеобъемлющей властью. Под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты — инструменты реализации его воли;

- гражданственность как качество населения невозможна, т. к. не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ. Зачатки гражданского общества в форме свободных корпораций (боярской думы, автономных университетов, крупных общественных или частных объединений, парламента) если и возникают, то ограничиваются. Право — инструмент воли самодержца и государственной бюрократии;

- отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются (как говорил поэт: «единица — ноль»). Реализуется цель гомогенизировать население — воспроизводить подданных.

* * *

Трудно установить время, которое бы позволило точно определить «начальную точку» русского имперского сознания. Было ли это время падения Константинополя? Или это случилось при Иване Грозном, столетие спустя, когда по Европе распространилась реформация и, как считалось в Москве, прежде заблуждавшиеся, но все же христианские народы, теперь и вовсе сделались вероотступниками, а мы оказались последним оплотом правильного христианства?

С какого момента русские начали ощущать себя народом, который способен и имеет право подчинять себе других, главенствовать, определять свое и чужое настоящее и будущее? Когда начало проявляться наше имперское сознание, о котором не так давно один отечественный исследователь недавно писал, что «присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем — для их же Блага — с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия». В общем, вслед за пророком Исайей: «С нами Бог, разумеете, народы, и покоряйтесь, ибо с нами Бог» (Исайя, 7, 18–19).

---

² В том числе, все существовали разное время. Примерно: Римская — восемь веков, Византийская — одиннадцать, Османская — пять, Китайская — три, Британская — 150 лет, Австро-Венгерская — 100, Германская империя времён Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх — 75, Советский Союз — 70.

Наука не знает, почему одни народы строят империи, а другие нет. Тем более — почему одни к разрушившемуся относятся без слез или даже разрушают свои империи сами, а другие, как мы, все никак не могут от этого отказаться. Защитники идеи империи как формы существования избранных народов доказывают, что строят империи только сильные народы, которые «обладают правдой от Бога» и которые ради этой правды готовы нести свои и чужие жертвы. Более того: те, кто утверждает, что «Россия — империя навсегда», добавляют, что, в отличие от прочих завоевателей-империалистов, мы реализовали не прагматически обусловленную, а особую «культурно-детерминированную» экспансию и действовали не ради собственного интереса, а для пользы присоединяемых и чаще всего бескорыстно, если не в ущерб себе. Но почему мы столь альтруистичны? На это ответа нет.

Пониманию, откуда взялось наше имперское сознание помогает история наименования «Третий Рим». Как известно, Древний Рим был первой мировой языческой империей, претендовавшей на включение в свои пределы всего цивилизованного мира. Политический, экономический, военный и любой иной изоляционизм от варварских народов, равно как культурный и правовой универсализм внутри империи были его главными отличительными признаками. Этническая принадлежность входивших в империю народов во внимание не принималась. Рим как продолжение Афин являл собой новое издание эллинистической цивилизации, ее культуры и религии, дополненных глубоко разработанным правом. При этом религия пронизывала государственную жизнь, а отношения человека с богами реализовывались под строгим государственным контролем.

Пришедшая с распространением христианства на смену Рима Византия с самого начала заявила о себе как о земном бытии Царства Небесного, а о фигуре императора — как о заместителе Бога. В качестве идеала Византия провозгласила сообщество людей на основе общей правильной (православной) христианской веры. Различение языков, этносов, культур не просто игнорировалось, но считалось следствием греха, самовольной попытки вавилонского покорения Небес. Православием Византия преодолела любой национализм. Власть государства была всеобъемлюща. Каждый подданный рассматривался как винтик единого механизма, который мог быть извлечён из глубин любого социального слоя и прилажен к нужному месту. Император управлял империей, а все иные народы ранжировались как «полезные» или «вредные» для православного государства.

Россия, бывшая частью Византийского мира, после падения Царьграда ощутила себя сиротой, но, вместе с тем, и единственной наследницей великой империи. Россия воспроизвела, хотя и существенно скорректировала основные имперские принципы Византии. Сохранив изоляционизм от неправославного мира, хотя и не варварского, как считали в Византии, но погрязшего в заблуждениях и грехе, русские сосредоточились на расширении и укреплении границ своего царства. Для этого, как универсально обрисовывал ситуацию Лев Толстой, на Кавказе «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооружёнными ружьями со штыками, убивались тысячи людей, защищавших свою свободу, свои дома и семьи». То же самое делалось и на других «окраинах», за что царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир». И это не было отдельными мероприятиями Российской империи. Тот же Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей» — главном божеском призвании русских. Эту мысль — о мирном завоевании необъятных восточных пространств — неоднократно высказывал в «Анне Карениной» и его любимый герой Константин Левин.

При этом, в отличие, например, от имперской политики Англии, внутри страны православного миссионерства среди присоединяемого туземного населения по мере продвижения на запад, юг и восток не было. Приятие в православие считалось делом Божьего Промысла. Однородность империи покоилась на религиозной основе декларативно. Фактически же в ее границах сосуществовали мусульманский, буддийский, католический и протестантский

миры, а гражданство (подданство) предоставлялось по факту проживания в границах империи и было предварительным условием обращения в православие.

Как и в Византии, на государство смотрели как на икону, но «симфонии» государя и патриарха не было, а царю божественная воля приписывалась даже в большей, чем у византийцев, мере. И если от подданных империи не требовалось православного религиозного служения, то им предписывалось отнюдь не меньшее служение царю как помазаннику Бога и столпу государственности.

Усиление тенденции «самодержавства» в противоположность «самовольству» выразилось и в том, что русские последовательно игнорировали входившее в византийское наследство римское право. Покоившееся на идее частной собственности и личности как субъекта правоотношений, оно не только не стало как в Византии основой имперского универсализма, но, напротив, сделалось угодливой служанкой царской власти. Гражданство в Российской империи, лишённое политических, культурных и правовых основ, было «гражданством» по месту нахождения человека на определённой территории, включённой в состав государства. У земель было больше прав, чем у населявших их жителей. Уже Иван Грозный «тасовал» бояр между территориями «опричнины» и «земщины», между центральными и отдалёнными регионами, таким образом определяя меру их приближения к себе и степень «достоинства», без суда, по личному решению сотнями грабил, пытал, казнил. Самодержавный произвол сделался одним из столпов Российской империи.

Параллельно со становлением российской империи посредством наращивания территорий шло формирование имперского сознания. Мощный импульс российской имперской идее в начале XVI века придала формула псковского монаха Филофея «Москва — Третий Рим». Но кроме знаменательной масштабной цели идея содержала в себе и важный для самодержавной нацеленности российской власти чрезвычайный характер. Москва объявлялась Римом не только следующим, но — главное — последним и на короткий срок, так как конец человечества якобы был близок. Поэтому задача спасения правильного христианства публично возлагалась русскими только на себя, а исключительный характер исторических обстоятельств оправдывал и требовал от них чрезвычайных действий.

Конец света, однако, все не наступал и для поддержания имперской идеи понадобился новый материал. Поскольку правовых отношений между государством и подданными не предполагалось, начиная со второй половины XVI века набирает силу процесс закрепощения крестьянства и дворянства самодержавной властью. Даже появившееся спустя столетие послабление для дворянства в виде указов Петра III, а затем и Екатерины II, согласно которым оно освобождалось от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, коренным образом их отношений с высшей властью не изменило.

Думаю, со времени сформулированных Иваном IV идей «самодержавной воли» и «единственной истинной веры» можно говорить об элементах целенаправленного имперского строительства со стороны власти и о запущенном процессе формирования у русского народа имперского сознания. «Самодержавство» Ивана Грозного было и реакцией на реформацию в Европе, что верно было истолковано как увеличение степени свободы индивида, недопустимого для России.

Процесс имперского строительства и формирования имперского сознания шёл противоречиво. С одной стороны, в него входили представления об общине — крестьянском мире, которым крестьяне отгораживались от государства. С другой, формировалась логика захвата, перехода на новые, принадлежащие инородцам и потому «не занятые» земли, что совпадало с хозяйственной практикой экстенсивного ведения хозяйства. В этом крестьянство было с государством заодно и это в последующем дало основание спекулировать на идее «русский народ — народ-государственник». Само собой, что в обоих отношениях право если и присутствовало, то только условно-декларативно и на высшем уровне, в то время как на практическом, низовом имела место камуфлированная под мирное сосуществование колонизация. При

этом, захватывавший чужие территории русский народ был преисполнен веры в свою государственническую миссию. Считалось, что там, где живут русские, там Бог и Российская империя.

Нельзя, однако, забывать, что на новые земли народ гнала хозяйственная нужда, безземелье или стремление уйти от власти государства. Как полагали, например, старообрядцы, убегая на восток, они уносили с собой Святую Русь от антихриста — государства. Однако власть шла следом за народом, шаг за шагом возвращая его в подданство и, одновременно, расширяя свою территорию. Как свидетельствовал один русский чиновник, разницы между Ермаком и генералом Черняевым («Ташкентским львом») нет никакой.

В строительстве империи посредством колонизации окраин русские не были исключительно миротворцами, как это пытаются представить сегодняшние защитники идей «духовных скреп». Мирным путём цели достигались только там, где мы встречали народы со слабо развитой культурой и национальным чувством. Там русский рецепт имперскости — личного бесправия (холопства), господства самодержавной воли, отсутствия закона и гомогенизированного индивида в массе подданных принимался аборигенами без сопротивления.

Но там, где русским колонистам противостояла сколько-нибудь развитая государственность, культура, личное и национальное чувство, там дело, как правило, не решалось миром или и вовсе терпело провал. В отличие от мирной колонизации, колонизация военная требовала всестороннего «усмирения» — вплоть до уничтожения — «буйных» туземцев. В случае победы их общественная жизнь — управление, суд, социальная стратификация — приводилась в соответствие с российской, а их национальный высший слой включался в имперский.

В обоих, мирном и военном вариантах русского строительства империи, слабо присутствовали просветительский и цивилизационный элементы. Главным образом преследовалась цель гомогенизации населения территории — основы государственного единства. Конечно, там, где это было возможно, ассимиляция закреплялась православным крестом. Но там, где это, как, например, в Туркестане, исключалось мусульманством, власть была вынуждена довольствоваться фактом территориального гражданства.

Гомогенизация (покорение с усреднением, низведением личностного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя) как доминирующий имперский принцип требовалась потому, что была единственным способом успешно осуществлять централизованный способ управления. Самодержец волею Божьей мог управлять, только предельно упростив все управляемые субъекты. Реализация желания быть вездесущим и править исключительно лично требовала сокращения количества управляемых до небольшого числа.

Культура как постоянное увеличение разнообразия и просвещение как рост информационного содержания каждого управляемого элемента имперской системе были категорически противопоказаны. При самодержавном способе правления культура делалась тем, что мешало, считалась вредной. По этой причине высокая культура допускалась в ограниченном и часто оскопленном виде, зато процветала выгодная империи культура «массовая».

Имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой. К переселению крестьянина центральной России толкала постоянно усиливающаяся при экстенсивном ведении хозяйства «теснота жизни», а закабаленные могли обрести волю только на чужой стороне. По этой причине свободные переселения (равно как переселения беглых) нельзя относить к беспричинным, неразумным или выгодным только власти. Существовал созданный крестьянами институт ходоков, которых общины посылали в предполагаемые районы переселения для сбора нужной информации.

Однако крестьянство, как и управленческий слой русской колониальной администрации, придя на «незанятые» земли как захватчик, по-своему было заинтересовано в сохранении примитивного уровня сознания и культуры аборигенов. В лице туземцев русские переселенцы обретали ещё более бесправных перед российской властью людей, чем они сами. И,

значит, у них появлялась возможность переложить на них часть той тяжести, которая ранее всей своей силой давила их самих. Кроме того, поскольку вслед за народом на колонизованные земли приходила государственная власть, русские оказывались под ее защитой и по этой причине тоже рассматривались местным населением в качестве привилегированного класса. Причём для этого не требовалось ни образованности, ни принадлежности к высокой социальной группе, ни, тем более, личных усилий и качеств. Достаточно было национального признака. То, что это было непременно так, подтверждается и отношением русских к евреям, столетиями живших в стране, но, тем не менее, считавшихся за инородцев. Они, как отмечает, например, Н.С. Лесков, оставались «на своей родине не более как теми же «презренными жидами», которым считает себя вправе оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец». Поэтому одно из наиболее обоснованных, на мой взгляд, объяснение причин активного участия народа в строительстве империи и сохранения имперского сознания состоит в следующем: русский народ бежал от власти и к власти стремился.

Впрочем, самодержавно-православная парадигма российской власти, дававшая результат от середины XVI столетия до Октябрьского переворота, во времена советского строя должна была быть заменена, что и произошло.

* * *

В сравнении с российской империей замысел имперского СССР был более эффективной попыткой, но, в то же время, и более безнадёжным в своем результате опытом. Как эффективная попытка он нивелировал ряд свойственных русским качеств, вредных для имперского строительства. Так, многими исследователями отмечалась нетерпимость русских к национальным проявлениям государственности и культуры, их склонность грубо гомогенизировать аборигенов перед лицом государственной власти. Эти качества был призван нейтрализовать пролетарский интернационализм. Далее. Склонность к доминированию по признаку принадлежности к великорусской нации успешно блокировалась, во-первых, введением концепта лишённого национальности «трудящегося пролетарского государства», и, во-вторых, «ленинской национальной политикой», введившей для прежде угнетавшихся нерусских наций в качестве компенсации массу «льгот». В совокупности эти идеи были призваны заменить православие как главный идеологический принцип Российской империи. Что же до идеи самодержавия, то она получила новую жизнь в форме верховной власти партии большевиков и ее централизованной управленческой структуры при сохранении традиционного для России манипулирования или небрежения правом.

Российская империя, каковой она подошла к началу XX столетия, не представляла собой целостного образования. Это был, если помнить о Финляндии, Закавказье и Средней Азии, конгломерат территорий с разными формами интеграции в имперское целое. И хотя имело место государственное политическое единство, но имперский принцип не был реализован в полной мере и на его основе не удалось до конца создать гомогенную массу подданных. Все эти проблемы достались в наследство советской власти — «правопреемнице» Российской империи.

Технология создания советской империи изначально была задана фактом «Октябрьского переворота» — комплексного явления, включавшего в себя свержение Временного правительства, роспуск Учредительного собрания, роспуск Советов и водворение на их место комитетов деревенской бедноты и «красным террором». Последовавшим за этими событиями продолжением — разжиганием гражданской войны как средством перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и введением «военного коммунизма» Ленин заложил основы нового имперского целого. Разумно рассудив, что господство над финнами, привыкшими к жизни при собственном парламенте и конституции, обойдётся со-

ветской власти недешево, от их включения в создаваемую империю он отказался. Но в отношении остальных «окраин» имперская идея проводилась неуклонно.

Поставленный на место православия пролетарский интернационализм не был обременён имперскими ценностями Византии и России, в особенности вниманием Константинополя к культуре и праву. Вместо них последовательно культивировалась ценность так называемого классового подхода и революционного правосознания. Более того. С первых шагов советской власти была сделана заявка на потенциальное расширение советской империи за наличные пределы. Средством должен был стать экспорт революции, для подготовки и реализации которой создавался институт III Интернационала. Всерьёз обсуждалась идея наступательной социалистической войны советской России против стран Европы для поддержки пролетариата этих стран.

Имперское строительство при советах обрело новое содержание и во внутренней жизни страны. Замена частнопредпринимательской экономики плановым хозяйством означала включение хозяйственной компоненты в имперскую цель гомогенизации подданных под управлением централизованной диктатуры.

На советскую гомогенизацию работала большевистская «трёхчленка» социальной структуры — наличие «классов рабочих и колхозников с «прослойкой» из интеллигенции». Кроме того, решению имперской задачи создания единого экономического пространства способствовали и абсурдные хозяйственные решения, прежде всего связи между источниками сырья, производителями и потребителями. Исключительно в целях политической целесообразности все эти элементы хозяйственного целого были механически рассредоточены по территории страны без учёта не только хозяйственной выгоды, но даже особенностей климата и природных условий. Достижению цели гомогенизации подданных советской империи способствовало и состояние всеобщего бесправия и уязвимости населения перед властью. У людей систематически выработывался комплекс «вины каждого» и «права власти на насилие над каждым», что подкреплялось постоянными репрессиями без различия национальности, социального положения, возраста, пола, личных заслуг, места нахождения и т.п.

Ещё одним новым инструментом и, одновременно, продуктом советского имперского строительства стал концепт «свободной и счастливой жизни» в имперском СССР и, главное, абстрактная идея «светлого завтра». Концепт «счастливая жизнь» был сложным мировоззренческо-идеологическим образованием. В него входило доставшееся ей от Российской империи наследство в виде полиэтничного состава населения в разной степени гомогенизации. Повсеместно, благодаря усилиям центральной и региональной большевистской власти, выжившее в гражданской войне (одержжавшее победу) население было спаяно кровью своих единоплеменников, пролитой ради «светлого завтра». В него включался и нагнетаемый властями психоз в связи с возможностью уже после окончания гражданской войны новой внешней агрессии, и связанная с этим необходимость подготовки для борьбы с иностранным врагом за счастье трудящихся всего мира. Это была и непрерывающаяся борьба в верхних эшелонах власти. В «счастливую жизнь» после НЭПа вошла и коллективизация и, значит, новые смерти и кровь.

Жизнь в советской империи покоилась на небрежении правом, так как при реализации таковой в будущем потребность в праве, как и в государстве, как обещали, отмирала. Но если царское самодержавие, в особенности после судебной реформы Александра II, все же начало реальный поворот в направлении законности, то имперский СССР высшим выражением права сделал беззаконие. Начал он с провозглашения высшей юридической нормой «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности». Однако эти категории, не имеющие адекватного правового оформления, для своего существования нуждались в общественном приятии, каковое и обнаружилось в сознании пролетарских масс. Почему же именно общественное сознание выступило основой имитировавшего право «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности»?

Это произошло, во-первых, в силу той «физической чистки», которую при опоре на люмпенов из всех социальных слоёв начали проводить среди населения большевики. Не только уничтоженные в гражданской войне, но десятки и сотни тысяч постоянно убиваемых или изгоняемых из страны людей в результате перманентных политических и экономических компаний вплоть до смерти Сталина стали результатом невиданного в мировой истории социального отбора. Критерием отбора была практическая и идеологическая лояльность большевистской власти, ее идеологии и, в том числе, идеалу «счастливой жизни».

К восприятию категорий классового сознания и революционной целесообразности общественное сознание было, во-вторых, подготовлено исторически. Нельзя забывать, что при отсутствии в стране права как одной из важнейших форм регуляции отношений между как людьми, так и между обществом и государством, необходимые для жизнедеятельности функции регулирования и управления вынужденно принимают на себя иные социальные и личностные механизмы. Так, если в обществе столетиями не было правовых механизмов согласования и договора, равно как сопутствующих им механизмов толерантности и компромисса, то это не значит, что люди не строят между собой отношений, государство перестаёт управлять, а общество перестаёт управляться и самоуправляться. Конечно, во всех социальных группах продолжают действовать нормы обычного права, работают традиции и их роль возрастает. Однако нормы и традиции принимаются далеко не всеми или их не всегда оказывается достаточно. И в этом случае в ход пускается естественный древний заменитель права — насилие.

Насилие как угроза и форма приведения к согласию разных интересов — основной для царской и советской России государственный регулятор. К насилию, однако, с одной стороны, можно привыкнуть или найти способы его минимизировать, а с другой, чтобы быть эффективным, оно должно становиться все более жестоким. Но насилие, также ещё и наиболее простая, доступная каждому форма «взаимосогласования» отношений и интересов. Поэтому форма эта легко могла стать и стала народной. При этом, если в царской империи в межличностном общении для подданных все же иногда работал сдерживающий религиозный фактор, то в советской империи религиозного фактора заведомо не было, а, напротив, было требование максимальной беспощадности по отношению ко всякого рода «врагам», что заведомо исключало любое проявление сострадания и жалости. Более того: насилие поощрялось, а его недостаток властями расценивался как предательство и преследоваться. Таким образом, жестокость как норма и средство общения в России стали одним из культивируемых признаков, условием выживания в стране, а позднее сделались важными атрибутами имперского СССР. Именно они были тем реальным и всеми хорошо ощущаемым основанием, который до времени прикрывался феноменом «дружбы народов» и идеалом «счастливой жизнью». Однако если возникала надобность, то в скорости появления на свет насилия не сомневался никто.

Ещё одной чертой имперского сознания является сопутствующее насилию презрение к человеку, отношение к нему как к объекту для гомогенизации. Поскольку империи прежде всего заботились о том, что имело отношение к их природе или входило в сферу их интересов, то до частных интересов отдельного человека дело, как правило, не доходило. Примеров такого рода так много, что для прояснения этой характеристики следует обратиться и в самом деле к чему-то исключительному. Таковым, например, в истории Российской империи мне представляется факт отношения власти к последним дням жизни Льва Толстого. Авторитет всемирно известного писателя был столь высок, что даже царь и его ближайшие чиновники при жизни никогда не допускали мысли о каком-либо властном на него воздействии или, того хуже — насилии, хотя поводов для этого писатель давал много. Но все это относится к ситуации, когда писатель жил сам по себе. Но вот на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги ночью 31 октября 1910 года приезжает больной Толстой, чтобы здесь через шесть дней умереть. Об этом узнает страна и сюда устремляются массы народа. Что же власть?

Первоначально она старается снизить интерес общества и сделать событие рядовым. С этой целью рязанский генерал-губернатор князь А.Н. Оболенский пытается выжить со станции корреспондентов. Ради этого закрывают станционный буфет, а когда журналисты жалуются наверх, то о них все же решают проявить заботу — выдают матрацы и лампы. Вместе с тем, местным начальством рассматривается вариант перемещения Толстого — неизвестно куда, но лишь бы с подвластной территории. Так, один высокий чиновник спрашивал другого: «Телеграфируйте кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании³, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство». Несомненно, что если бы ущерб от скандала не превысил издержек по «неразрешенному пребыванию» тяжело больного, его бы, хотя и насильно, но «переместили» бы. Это же в массовом порядке и делала, например, власть в имперском СССР, не разбираясь, имеет ли дело с отдельным человеком, сельским сообществом или народом. Адресом же «перемещения» могла быть либо окраина СССР, либо и вовсе «тот свет».

Эти и иные подобные меры властей постоянно культивировали новое имперское сознание россиян в СССР. При этом, основные черты строящейся советской империи либо оставались теми же, что и в российской империи, либо ещё более усугублялись. Таким, к примеру, был изоляционизм по отношению к внешнему миру. «Оплот трудящихся всех стран» скрывался за железным занавесом, защищавшим от врагов и от познания советскими людьми внешнего мира. Внутри страны процветал не виданный ранее универсализм на основе коммунистической идеи. Ни на день не прекращалась тотальная гомогенизация населения. Была разработана и успешно осуществлялась специфическая, «пролетарски» переработанная культурная политика. Доставшаяся от Российской империи культура безжалостно переделывалась — «исправлялась». И, наконец, шла тотальная коррекция (перереформирование) народной памяти. О соплеменниках, уничтоженных и уничтожаемых ради «высокой» идеи, предписывалось забыть как о врагах или как о неизбежных исторических жертвах⁴.

За любое, ставшее известным несогласие с каким-либо из этих принципов советской империи полагалась немедленная жестокая репрессия. Идеологическое обоснование этих мер там, где она требовалась, применялось государством не «просветительно» и постепенно, а властно-репрессивно и в жёсткие сроки. Думаю, что для построения советской империи у большевиков был свой «пятилетний» план, который, как и остальные, предполагалось осуществить в два-три года. Но, к счастью, как и остальные, он не был успешно завершён, хотя и нанёс огромный вред.

* * *

Я уже отметил, что сегодня у власти и общества, на мой взгляд, нет сколько-нибудь ясного представления о том, что делать на руинах советской империи: пытаться продолжать или даже изобретать новую империю, либо строить нечто иное. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, несколько слов следует сказать о доставшемся нам наследстве. Для этого среди «ценностей» последней империи, до сих пор не преодоленных в общественном сознании и даже пользующихся популярностью и поддержкой у отдельных категорий граждан, выделю несколько, наиболее, на мой взгляд, значимых.

³ Комнату тяжело больному Толстому из сострадания предоставил в своей квартире начальник станции.

⁴ Масштабы предназначенного к забвению, не прояснены до сих пор. Сколько — один, шесть или десять миллионов было уничтожено в СССР в коллективизацию, в том числе и в ходе военных действий частей Красной армии против восставших сел? Сколько — половина или более половины населения Казахстана и Башкирии погибло от голода в результате реквизиций у него скота? Сколько крестьян Украины и Поволжья умерли от голода после выполнения сталинских планов хлебозаготовок? И т. д., и т. п.

Возможно, на первом месте здесь следует поставить «ценность» страны, которую раньше «все боялись» и, как очевидно думает эта категория населения, по этой причине «уважали». Нечто рациональное из страха перед нами можно вывести только следующим заключением: если мы делали что-то заведомо недоброе, то нам не только не противились, но и не показывали вида.

Существенно померкла, но все ещё жива «ценность» пролетарского интернационализма. Слава Богу, последним прецедентом реализации этой идеи на практике был Афганистан. Позднее, даже имеющий российские имперские корни опыт войны на стороне «сербских православных братьев», не говоря уже о военной «солидарности» с социалистической Югославией против НАТО, ограничился маневром над Атлантическим океаном самолёта тогдашнего премьер-министра. Таким образом, идея экспорта коммунизма, будем надеяться, сдана в архив.

Туда же отправлена и «ценность» жизни в империи больших народов, расположенных по периметру нашего отечества и включённых в Российскую, а затем и в советскую империю. Своё отношение к империи «национальные окраины» высказали ещё в 1991 году. Что же до «окраин» внутренних, то одно дело — Кавказ, и другое — Татарстан, Башкирия и другие этнические сообщества. И если с последними двумя общий язык и совместное развитие нащупывается, то с Кавказом перспективы конструктивного взаимодействия вряд ли устойчивы. Не анализируя эту тему в силу её сложного специального характера, отмечу лишь одно. Ещё русские колонизаторы, которые вели захватнические войны против черкесов, (как скопом именовали все народы Кавказа), поняли безуспешность попыток распространить на них православие и самодержавие. Их не удалось в полной мере ни гомогенизировать в «трудящихся СССР», ни «переделать» в духе идей «пролетарской диктатуры». Думаю, что они составили себе представление и о современном российском «единодержавии» и новом варианте «дружбы народов». И рассчитывать на попытки реинкарнации советской империи на их территориях, хотя бы и в модифицированном варианте, нельзя.

К перечню «ценностей» последней империи следует добавить и свойственную значительной части населения современной России «антикапиталистическую ментальность». В существо капиталистического способа производства включается частная собственность, определение максимизации дохода и пользы как цели хозяйствования, координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен, почти полное исключение из межчеловеческих связей патернализма и отношений типа «раб — господин», стремление к утверждению верховенства закона. Естественно, что наше общество, привыкшее к царскому или советскому произволу, в том числе и прежде всего в отношении института частной собственности, равно как и к типам хозяйствования и потребления, далёким от рациональности и личной, не зависящей от «господина» выгоды, в массе своей не готово к быстрому переходу на капиталистические основания жизни. Думаю, что и современная российская власть иногда искусственно подпитывает антикапиталистические настроения населения.

Все перечисленное, если иметь в виду перспективу не загнивания и даже возможности исчезновения нашего народа, а его возрождения на новых основах, заставляет рассматривать попытку нового имперского строительства как дело убийственное. Так что же нам делать?

На мой взгляд, речь должна идти о смене россиянами своей имперской идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей. А это предполагает, глядя из глубины почти пятисотлетней истории, организацию непривычного для нас дела — введение в состояние цивилизованности самих себя. Не привычно это, во-первых, потому, что предмет усилий из внешнего (активность, направленная на других) становится внутренним (активность направляется на самих себя). Сложно это, во-вторых, потому, что содержанием активности вместо православия и самодержавия или коммунистической идеологии, власти партии или властной группы становится развитие, распространение и укрепление культуры и права.

Отказ от попытки воссоздания империи формулирует вопрос о форме государственности. Таковой в России, на мой взгляд, должна стать давно существующая в развитых странах форма — национальное государство. Но это, конечно, не «государство русских», если развивать далее идею «русские — государствообразующий народ». Нация в национальном государстве — не этническое, а гражданское единство. Гражданская нация — сообщество граждан, которые принадлежат к разным этносам, социальным группам и исповедуют разные религии, но признают свою историческую и культурную общность, активно развивают политические и правовые связи с государством и между собой в общенациональном деле — создании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества, в основе которого — капиталистический способ производства.

* * *

Долженствование по отношению к будущему справедливо вызывает улыбку. Однако не стоит чрезмерно критически относиться к попыткам посмотреть на то, что можно назвать его ростками. Кроме того, и то, что я буду говорить далее в связи с идеей национального государства, я предложил бы рассматривать не как обязательное долженствование или, тем более, неизбежность, а только как регулятивную идею. Регулятивная идея — это тезисы, к которым предлагается относиться как к тому, что может быть принято обществом в качестве желательного. В этом смысле и христианская доктрина — регулятор, который не всегда и не везде срабатывает, но который существует и работает в сознании и в действиях.

Итак, говоря о национальном государстве, прежде всего следует сказать о субъекте его строительства. Таким коллективным субъектом, на мой взгляд, сегодня могут и уже начинают выступать те, кого следовало бы называть «новой элитой» — лучшими. Что имеется ввиду?

В каждой социальной и профессиональной группе есть эффективные люди, которые о самих себе говорят как о «нормальных», что, с поправкой на скромность, означает знающих, ответственных, энергичных, честно делающих свое дело. Именно они, материализуя свойственное им желание — отрицать среди сущего «плохое» и утверждать «лучшее в качестве должного» — могли бы стать коллективным субъектом строительства новой стадии российского государства.

В этой связи хотел бы напомнить о начальной стадии процесса создания национального государства во Франции, поскольку весь процесс вышел за пределы столетия. Как отмечают исследователи, французская революция не была совершена определённой партией или движением в соответствии с какой-либо программой. Движущей силой революции выступала группа «буржуазии», воспринявшая от философов и экономистов идеи классического либерализма. По этой причине «философы» могут считаться ответственными за революцию. Именно их абстрактные тезисы «овладели массами».

Не думаю, что было бы ошибкой указать и на то, что аналогичный субъект активности при запуске процесса рациональных аграрных реформ в России видел, например, П.А. Столыпин, когда говорил, что в политике будет ориентироваться «не на пьяных и слабых, а на трезвых и сильных». Метафора премьер-министра не смущала, а успешно начатое им реальное реформационное движение подтвердило, что понятная обществу абстракция «сильные» вовсе не помеха.

Но обладает ли наша элита самосознанием, достаточным для активного действия? Иными словами, насколько она готова выйти из вялотекущего процесса «стабильности-деградации», который под управлением властных «псевдо-элит» возобладал в современной России? Но насколько их идеалы, ценности, стандарты деятельности и поведения готовы воспринимать другие члены их профессиональных групп, а также иных социальных слоёв? Очевидно, в зависимости от ответа на этот вопрос потребуется тот или иной характер социальной рабо-

ты и активности как внутри «новых элит», так и этого коллективного субъекта с иными слоями общества.

Попутно отмечу, что похожая просветительско-культурная работа в нашей стране уже была. В начале XX века, когда озабоченные проблемой «окультуривания» русской деревни в нее шли учёные-кооператоры и общественные деятели, заботясь не только о продвижении в аграрный сектор передовых сельскохозяйственных знаний, но и ставя более общую цель — цивилизационного подъёма народной жизни. Очень скоро, уже к началу 1917 года, до 75% крестьянских дворов России были вовлечены в те или иные формы кооперации, «охвачены» просветительской деятельностью. Не удивительно, что после прихода к власти большевиков именно кооператоры и кооперация как массовое проявление энергии гражданского общества были определены Лениным «врагом № 1» и в период политики «военного коммунизма» подверглись уничтожению. Этот период просветительской работы охватывал от пятнадцати до двадцати лет. Но в какой мере в это время в нем произошло становление новой элиты, сказать сложно.

Думаю, что ясного ответа на поставленные вопросы пока нет. Однако понятны две вещи. Первая: ждать, пока новые элиты себя самоосознают и обнаружат, пока сама собой случится смена идентификации россиянина, не стоит. Если у какой-то части общества есть понимание необходимости начинать работать, то это и есть достаточный сигнал для начала действий. Тем более, что очевидно: только длительная, проводимая не только интеллигенцией, а «верхними» слоями социальных групп «культурническая» и политическая работа приведут к становлению гражданской нации, сформируют у членов общественных групп устойчивые привычки эффективно и добросовестно делать свое дело, думать и поступать не «под давлением производимых властями обстоятельств», сиюминутных выгод, но так, как «должно». При этом начинаться этот процесс, который в перспективе может вылиться в общественное «культурное движение», очевидно, будет как индивидуально, так и в группах, независимо от географии, профессии, возраста. В последнем случае, конечно, это должно быть включено в существующие воспитательные и образовательные механизмы, так что без активного участия государства здесь не обойтись.

* * *

В заключение повторю: России пора перестать имитировать признаки империи. Эволюция российской государственности в форму национального (гражданского) государства в современных условиях возможна и необходима. Содержанием этой работы, наряду с прочим, видится и корректировка идентичности современных русских — вытеснение из нее имперской составляющей и наполнение смыслами и ценностями культуры и права. Исторического опыта такого рода работы у нас нет. Но и империю воссоздать нельзя. Остаётся заняться созданием самих себя.

Андерсон Б. (ред.). 2002. *Нации и национализм*. — М.

Лесков Н. 1956. *Собрание сочинений в одиннадцати томах*. — М.

Лурье С. 2012. *IMPERIUM. Империя — ценностный и этнопсихологический подход*. —

М.

Малинова О. 2013. *Конструирование смыслов*. — М.

Миллер А. 2006. *Империя Романовых и национализм*. — М.

Наследие империй... 2008. *Наследие империй и будущее России*. — М.

Никольский С.А., Ходорковский М.Б. (ред.). 2013. *Государство. Общество. Управление*. — М.

- Солоневич И. 2006. *Мировая революция*. — М.
- Толстой Л. 1978. *Собрание сочинений в двадцати двух томах*. — М.
- Хобсбаум Э. 1999. *Век империи*. — М.
- Хоскинг Д. 2000. *История Советского союза*. — М.